

Выпуск № 177 от 22.09.2014

Затмение нашло

Анастасия ДОЛГОШЕВА

Одна из старейших в мире, самая северная из действующих обсерваторий, Пулковская, справившая 175-летие, может и не отметить следующий юбилей. Во всяком случае как научное учреждение. «Пулковская обсерватория чрезвычайно слабо защищена. Дело в том, что со стороны культурной столицы непрерывно идет агрессия на культурный объект». Эти слова директор Главной астрономической обсерватории (ГАО) РАН Александр Степанов произнес в июне 2012 года на депутатских слушаниях в Законодательном собрании – цитируем по стенограмме. Прошло два года. В защитной парковой зоне обсерватории появился конгрессно-выставочный центр «Экспофорум»; началось строительство очередного гипермаркета. Наконец, на подходе возведение крупного жилого комплекса «Планетоград». «Агрессия» нарастает, но со стороны обсерватории протестов почему-то не слышно. «Есть ощущение (подчеркну, ощущение, потому что никто этого на бумаге не напишет), что сама РАН склоняется к тому, что Пулковская обсерватория как действующий научный объект не нужна» – такой прискорбный комментарий дал нам инициатор тех слушаний двухгодичной давности депутат Вячеслав Нотяг. «На бумаге» и вправду никто не напишет такую крамолу, но из «бумаг», то бишь переписки инстанций, именно то и следует.

«А» упало, «Б» пропало

Жизнеутверждающее «город зажигает огни» для любой обсерватории звучит траурно. Засветка, да и вообще хозяйственная деятельность, вредит наблюдениям – еще император Николай I, основатель обсерватории, выделил для нее защитную зону – в версту (1,067 км).

Во время Великой Отечественной обсерватория была разрушена; в 1945-м Совнарком СССР обозначил для возрождаемого научного

учреждения уже 3-километровую (!) защитную парковую зону.

...Проведем эксперимент. Как вы понимаете фразу из распоряжения Совнаркома: защитная зона «с запрещением в ней промышленного и крупного жилищного строительства и с согласованием всякого строительства в этой зоне с дирекцией Пулковской обсерватории»?

Вроде бы следует понимать так: запрещено крупное и промышленное строительство, а прочее только с разрешения ученых. Но сейчас фраза трактуется неоднозначно. Например, зампред комитета по земельным ресурсам и землеустройству (КЗРиЗ) Николай Филин на слушаниях отметил: – Формулировка, по моему мнению, не устанавливает однозначный запрет развития этой

территории, но устанавливает регламент этого строительства, который должен быть обязательно согласован с обсерваторией.

Язык меняется. Слово «запрещение» в документе 70-летней давности теперь следует понимать как «не запрещение». Правда, в том же 1945-м в Исполкоме Ленсовета требование звучало четче: «запретить в защитной парковой зоне в радиусе 3 км (так в оригинале. – Ред.) вокруг Пулковской обсерватории промышленное и крупное жилищное строительство. Всякое иное строительство в этой зоне допускать по согласованию с дирекцией Пулковской обсерватории».

Яснее некуда.
И даже в 1996 году в приказе комитета по градостроительству и архитектуре (КГА) сказано: «...воспрещается промышленное и крупное жилищное строительство /.../ Любое иное строительство в этой зоне допускается по согласованию с дирекцией ГАО».

«Реформа языка» произошла, когда был принят городской закон «О правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга». Читаем: особый режим в защитной зоне «включает требования обеспечения экологических условий для действия высокочувствительной аппаратуры, соблюдения астроклимата...»; на этой территории «...запрещается любое капитальное строительство, нарушающее указанные /.../ требования»; а «соблюдение ограничений /.../ должно быть подтверждено согласованием Пулковской обсерватории».

Даем перевод: городской закон подмял под себя закон федеральный, никем не отмененный совнаркомовский. Легким движением руки брюки превратились в элегантные шорты, однозначный запрет на крупное строительство выпал в осадок, а обсерватории вверили согласование не «любого иного строительства», а вообще любого.

Член президиума петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников Людмила Семькина резюмировала: «Органы власти Санкт-Петербурга самоустранились от регулирования градостроительной деятельности на территории ЗПЗ (защитной парковой зоны. – Ред.), предоставив администрации ГАО в зависимости от ее преданности интересам науки право выносить те или иные решения в отношении потенциального строительства».

Отдельно эксперт отметила, что вообще-то вовлечение астрономов в принятие градостроительных решений ничем не обеспечено.

– Директор обсерватории занимает такую двоякую позицию, – считает депутат В. Нотяг. – С одной стороны, говорит: «Не могу же я уничтожать свое учреждение?!». Но с другой – согласовывает то, что ему говорит город. А город очевидно заинтересован в инвесторах, которые туда идут.

Обсерватория «решительно протестует»

«Каждый месяц в ГАО РАН поступают предложения и проекты о строительстве спортивно-развлекательных, производственно-складских и торгово-промышленных и жилых комплексов в защитной зоне обсерватории. ГАО РАН решительно протестует против тенденции сплошной застройки защитной зоны...» – говорится в одном из писем руководства обсерватории.

Учреждение, надо сказать, долго вело незримый бой – и одерживало не видимые миру победы. Основательный кусок на северном склоне просил комитет по физкультуре – для лыжников и сноубордистов, с ресторанами и прочим. «Мегалит» хотел построить здание высотой 75 м, выше Пулковского холма. Пожарное подразделение МЧС желало обосноваться на двух га территории обсерватории. Обсерватория отбивалась.

Но потом началось отступление. Строймаг «Метрика»; сияющая автозаправка на северной стороне горы... Директор обсерватории, по его словам, «пять лет «бодался» с комитетом по благоустройству и дорожному хозяйству, но в конце концов «мы пошли навстречу городу и разрешили порядка гектара для расширения дороги выделить». Речь о расширенном (и прекрасно освещенном) Пулковском шоссе.

Изящный штрих. Если смотреть на карту, то видишь: железная дорога идет к Александровской не прямо, а выписывает этакую загогулину. Это по давней-давней просьбе астрономов. Царскосельскую железную дорогу и Пулковскую обсерваторию строили практически в одно время, и организатор строительства обсерватории Струве Василий Яковлевич попросил императора вести железную дорогу в обход научного учреждения, потому что проезжающие паровозы мешали бы научным наблюдениям. Тогда власть предпочла отодвинуть дорогу, чтобы не мешать науке.

Продолжаем. В защитной зоне появился выставочный центр «Экспофорум». Справедливости ради: инвестор отблагодарил обсерваторию, восстановил историческую 300-метровую Меридианную дорожку, пролегающую по Пулковскому меридиану. Это было бы трогательно, если бы в истории не случилось примера «от обратного»: рассказывают, в 1950-х годах обсерватория получила финансирование на ремонт вот этой самой дорожки, но ухнула его на постройку Большого пулковского радиотелескопа, модели и прообраза знаменитого РАТАН-600. То есть предпочла не декор, а науку.

У обсерватории случались еще какие-то небольшие выигранные сражения (в 2011-м, например, пресекли попытку садоводческого товарищества «прописаться» на территории обсерватории), но «война», похоже, была уже проиграна. Летом 2014 года на Петербургском экономическом форуме город подписал соглашение с консорциумом Morgal Investments Ltd по «Планетограду»: впритык к забору обсерватории появится район в 240 га с массовой жилой застройкой примерно на 100 тыс. жителей. За этим проектом наверняка придут другие, на землях защитной зоны уже возведены заборы как минимум четырех стройплощадок.

Не особо ценный объект

Насчет «Планетограда» пресс-секретарь обсерватории Сергей Смирнов давал комментарий нашей газете (см. 11.06.2014): «Все согласования со стороны ГАО (Главной астрономической обсерватории) РАН по строительству в охранной зоне выдаются с условиями соблюдения технических условий, исключающих неблагоприятное воздействие на проведение научных исследований».

Условия такие: высота зданий и сооружений – не выше 12 м, максимальная длина корпусов – 50 м; отсутствие ярких горизонтальных источников света; отсутствие выброса в атмосферу остатков горения и тепла; акустический шум – не более 35 дБА и т. д.

Эти требования должны соблюдаться в т. н. буферной зоне ГАО РАН. Одна тонкость: нет у обсерватории буферной зоны. Официально нет.

Вообще-то у обсерватории статусов, что орденов у маршала: с 1990-го в составе объекта всемирного наследия охраняется ЮНЕСКО; в 1997 году указом президента РФ внесена в Свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ. Но на слушаниях тогдашний зампред КГИОП Тимофей Кононенко (в конце 2012 года был отправлен в отставку) признал, что «понятие буферных зон на сегодняшний день не отражено в действующем российском законодательстве».

Решать, как будет использоваться территория и зоны охраны особо ценных объектов культурного наследия, – дело федеральных органов исполнительной власти. «Федеральные органы до настоящего времени этими своими полномочиями не воспользовались», – утверждает Л. В. Семькина.

То есть зона-то «защитная», но не «охранная».

С запада и севера от обсерватории вообще нет ни зон регулируемой застройки (ЗРЗ), ни зон охраняемого природного ландшафта (ЗОЛ). Руководство обсерватории обращалось в КГИОП и КГА с просьбой установить недостающие зоны и определить понятие буферной зоны. КГИОП ответил в том духе, что зон охраны вполне достаточно. КГА высказал готовность рассмотреть предложения ГАО «по включению дополнительных ограничений на градостроительную деятельность в границах 3-км защитной парковой зоны». С тем чтобы в закон СПб были внесены изменения.

Решение о подготовке проекта закона о внесении изменений – дело правительства Петербурга.

С тех пор тишина.

Зона ответственности

Действующий генплан развития города поначалу вообще не предполагал на защитной парковой территории обсерватории функционального зонирования. Но позже генплан был откорректирован, и в нем (а также в Правилах землепользования и застройки) уже предусмотрено размещение здесь жилых и общественно деловых зон – запрещенных, повторим, еще Совнаркомом.

По данным региональной геоинформационной системы (РГИС), в разных участках защитной парковой зоны теперь возможны высоты от 15 до 32 м; на одном из участков допустимая фоновая высота 48 м, а доминанты – и вовсе до 60 м.

Напомним, одним из условий обсерватория ставила высоту зданий не больше 12 м. Ну-ну.

Защитная парковая зона обсерватории находится в двух районах – Московском и Пушкинском. Она разделена на 300 с лишним земельных участков, причем около 90% участков (вне обсерватории, но в защитной зоне) уже в частной собственности. Как пояснял начальник управления распоряжения государственной собственностью КУГИ Александр Зленко (в том же 2012-м ушел на другую должность), более 75% территории защитной зоны находилось у двух организаций: «Цветы» и «Шушары». По праву постоянного бессрочного пользования. Но закон 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса» обязал их переоформить это право на собственность либо аренду. Вот и переоформили. И отчего ж на своей земле не делать, что хочется?

В недавнем сообщении центра экспертиз «ЭКОМ» о строительстве гипермаркета говорится: «История получения «согласований» проекта со стороны заинтересованных организаций представляется загадочной».

«Загадочным» экспертам кажется то, что «никаких следов соответствующих писем и предшествующих им экспертиз влияния засветки и электромагнитного излучения, связанного с гипермаркетом электронной техники, обнаружить не удалось».

Недвижимое имущество

Вот в чем еще казус. Если возможность для наблюдений ухудшается, если сокращаются научные работы, тогда, спрашивается, чего вы тут делаете, товарищи ученые? Обработкой данных можно заниматься и в другом месте.

Рацпредложение на эту тему уже поступало – несколько лет назад. Архитектурная мастерская Татьяны Славиной предложила перевести обсерваторию на Кольский полуостров. Обсерватория, конечно, объект культурного наследия с причитающимися в отношении его книксенами, но, как напомнили представители мастерской, это ведь новодел: инструменты в войну смогли сберечь, но здания-то восстанавливали «с нуля».

То предложение «завернули», тем более что в отношении некоторых экспертиз мастерской высказывала свое недоумение Росохранкультура.

Но раз уж речь о Кольском зашла: там вообще-то полярный день длится месяц, плюс четыре месяца белых ночей. Какие наблюдения?

Перенести на юг? – но Пулковская тем и славна, что самая северная действующая обсерватория в мире, у нее наилучший вид на приполярную область неба.

Тему переноса и обсуждать не очень сподручно, потому что здешние телескопы – недвижимое имущество. Буквально.

Сказать про 26-дюймовый пулковский рефрактор (его показывают на экскурсиях), что этот телескоп самый результативный в обсерватории, – сильно преуменьшить. Из астрометрических в своем классе он лучший в мире. Его копия есть в США под Вашингтоном, но рядом с американским разрешили жилую застройку – и точность наблюдений резко упала. Пулковский телескоп дал почти четверть всех мировых наблюдений спутников планет Солнечной системы.

Рефрактор незыблем уже больше полувека, и это позволяет делать т. н. длинные ряды наблюдений, когда одни и те же небесные объекты отслеживаются на инструменте, стоящем на одном и том же месте во веки веков и аминь. Так можно вычленять ошибки, которые краткосрочными наблюдениями не выявишь. Например, 34 года пулковских наблюдений позволили рассчитать орбиту одной звезды точнее, чем двухвековые разрозненные наблюдения.

Что, нельзя отладить работу рефрактора на новом месте? Можно. Если у вас в запасе 10 лет – столько понадобилось, когда отлаживали его работу после установки в 1950-х.

...Другой инструмент – Нормальный астрограф 1893 года рождения. Не старейший в обсерватории, но старейший из работающих.

В 2006 году к Плутону рванула межпланетная станция НАСА «Новые горизонты», и то, что станция знает, где в 2015 году ей будет счастье встретиться с Плутоном, – огромная заслуга этого астрографа. Для расчетов нужен длинный-длинный ряд высокоточных наблюдений, а с Плутоном это проблематично – его открыли только в 1930 году, он с тех пор и половины своей орбиты не прошел. Для расчетов нужно знать, где Плутон был 10 лет назад, 20, 50, 70... Так вот Нормальный астрограф приступил к наблюдению за Плутоном спустя считанные дни после того, как объект открыли. Нормальному астрографу для нормальной работы тоже нужно, чтобы его не тревожили.

Ну и, наконец, малые тела. Интерес к астероидно-кометной опасности резко подскочил после челябинского «не ждали», но еще в 2008 году впервые в истории было предсказано падение астероида в Северном Судане. Пулковская обсерватория участвовала в той программе, «вела» падающее небесное тело. (Челябинский метеорит явился с солнечной стороны, его при современном уровне техники было не увидеть.)

У малых тел есть препротивное качество: очень слабо светятся. Ну 17-я, ну 20-я звездная величины (проще говоря, яркость: номер выше на единицу – значит яркость ниже в 2,5 раза). Если рядом будет построен жилой район – это, по идее, будет как со снижением диоптрий: видны только крупные буквы, то есть астероиды главного пояса, а они внутри орбиты Марса не залетают и нам не угрожают.

Виды на высоты

– Понимаете, взял бы на себя кто-нибудь ответственность и прямо сказал: при такой засветке, вибрации, при таком шуме, который исходит от мегаполиса, функционирование научного объекта невозможно, – говорит депутат Вячеслав Нотяг. – Ну признали бы, что обсерватория останется просто как памятник, как памятник науке, как памятник послевоенного восстановления, а наблюдения перенесут в Крым, на Кавказ, в Чили... Хотелось бы, чтобы научный мир сказал: нужна эта обсерватория или не нужна. Но научный мир немотой охвачен.

Конечно, за последние два года реформируемой РАН было чем заняться, но еще при прежнем руководстве, в декабре 2012 года, академическое отделение физических наук отвечало начальнику управления президента РФ по работе с обращениями граждан и организаций: «Мы /.../ не можем в настоящий момент значительно повлиять на ситуацию. Президент РАН Ю. С. Осипов и руководство РАН постоянно занимаются вопросом защиты интересов ГАО РАН, но полностью защитить обсерваторию от посягательств юридических и физических лиц, поощряемых некоторыми городскими административно-правовыми структурами, не могут».

...Пулковские высоты – привлекательное место, и научное учреждение там бревно в глазу: 3-км «защитный» радиус – это ж 28 кв. км «простаивает».

Вообще все происходящее напоминает известную схему: если тебе приглянулось симпатичное место, занятое неким памятником, доведи памятник до некондиционного состояния – и делай с ним что хошь.

– К этому, наверное, все и идет, но никто нам этого не скажет, – допускает депутат Нотяг.
– Наверное, ждут, когда все само собой случится. Депутаты не специалисты в астрономии. Если большой ученый Степанов согласовывает проекты, то какое у нас основание утверждать, что все плохо?

И все-таки: решать, повредит/не повредит та или иная застройка одному из знаковых научных учреждений государства, пожалуй, слишком тяжелое бремя, чтобы возлагать его исключительно на администрацию одного учреждения.

На тех депутатских слушаниях двухгодичной давности были поставлены интересные вопросы:

– На основании чего в границах защитной парковой зоны сформированы зоны жилой и общественно-деловой застройки и планируется крупное капитальное строительство?

– Почему при разработке Правил землепользования и застройки из режима защитной зоны был исключен безоговорочный запрет на крупное капитальное строительство?

– Намерено ли правительство Санкт-Петербурга исполнять обязательства по сохранению особо ценного объекта?

В конце августа газета направила запрос руководству обсерватории с просьбой, в частности, растолковать, кто конкретно делает выводы о том, повредит или не повредит очередной объект научной деятельности учреждения.

Ни на вопросы двухгодичной давности, ни на наш недавний ответа пока не получено.